

Б.И. Колоницкий

КЕРЕНСКИЙ КАК «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» И НОВЫЙ ПОЛИТИК: К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕАЛОГИИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ¹

Н.А. Бердяев в своих воспоминаниях так описывал отношение писателя и философа А. Белого к революционному вождю: «В лето 17 года он был страстным почитателем А.Ф. Керенского, был почти влюблен в него и изображал свои чувства у нас в гостиной посредством танцев. Но потом он также был увлечен большевизмом и увидел в нем рождение нового сознания и нового человека».

В примечаниях к этому фрагменту мемуаров Бердяева его свояченица Е.Ю. Рапп уточняет: «Как-то однажды я осталась дома одна. Раздался звонок. На пороге нашей гостиной стоял А. Белый. Не здороваясь, взволнованным голосом, он спросил: „Знаете ли вы, где я был? — и не дожидаясь ответа, продолжал: — Я видел его, Керенского... он говорил... тысячная толпа... он говорил...“ И Белый в экстатическом состоянии простер вверх руки. „И я видел, — продолжал он, — как луч света упал на него, я видел рождение «нового человека»... Это че-ло-век“. Н.А. незаметно вошел в гостиную и при последних словах Белого громко расхохотался. Белый, бросив на него молниеносный взгляд, не прощаясь, выбежал из гостиной. После этого он долго не приходил к нам»². Очевидно, восторженная реакция Белого запомнилась свидетелям этой сцены. Хотя Бердяев говорил о лете 1917 г., но с большой долей уверенности можно утверждать, что в его воспоминаниях речь идет о самом знаменитом и самом успешном публичном выступлении Керенского, его речи в московском Большом театре 26 мая 1917 г.

Нельзя доверять воспоминаниям современников, даже если они подтверждают и дополняют друг друга. Однако положительное и даже восторженное отношение А. Белого к революционному министру и к его знаменитой речи зафиксировано и в других источниках. В брошюре, написанной в июне-июле 1917 г. и опубликованной в этом же году, сам А. Белый писал: «Революция до революции, до войны еще издали внятно кивает без слов. И когда говорит министр Керенский „будем — романтиками“, мы, поэты, художники, — мы ему отвечаем: „Мы — будем, мы — будем“...»³ При этом в тексте брошюры отме-

¹ Благодарю М.В. Безродного за ценные советы, которые оказались необычайно полезными при подготовке этой статьи, а А.Б. Николаева и П.Г. Рогозного за указание на важные источники.

² *Бердяев Н.* Собр. соч. Изд. 3-е. Paris, 1989. Т. 1. С. 263.

³ *Белый А.* Революция и культура. М., 1917. С. 18.

чалось, что автор цитирует речь Керенского, произнесенную им в мае 1917 г. в Большом театре.

Для лучшего понимания этой туманной фразы из брошюры, изданной в революционный год, следует привести предшествующий фрагмент текста Белого, также достаточно неясный, отсылающий к более ранним произведениям философа, которые были посвящены интерпретациям творчества Ф. Ницше: «Бренный образ изломанной формы есть символ: мир нам данных искусств — он не есть мир искусства; искусства создания жизни; он — всё еще символ, который по Ницше всего лишь кивает без слов; мир искусств, нам доселе гласивший, давно уж молчит и кивает без слов; заговорили далеко грохоты еще невнятного слова, которого первая буква — война, а вторая — восстание ... из мертвых»¹.

Иначе говоря, А. Белый описывал революцию и революционного министра в терминах Ницше (или, точнее, в терминах своей интерпретации Ницше), это проявляется в разных источниках: «новый человек» (характеризуя ранее творчество немецкого философа он не писал о «сверхчеловеке», а использовал этот термин), «Ессе homo» в мемуарах Бердяева и Рапп и «кивает без слов» в статье самого А. Белого².

Какое же событие спровоцировало подобную реакцию А. Белого?

Судя по всему, идея грандиозного митинга-концерта в московском Большом театре принадлежала С.А. Кусевицкому, выдающемуся музыканту и дирижеру, а главной звездой митинга-концерта должен был стать А.Ф. Керенский, военный и морской министр, которого дружественная ему пресса с полным основанием именвала «популярным министром». Керенский был наиболее востребованной «звездой» послереволюционных митингов-концертов, на которых речи известных политиков и писателей чередовались с выступлениями актеров, хоров и оркестров. На специальных афишах, оповещавших о подобных мероприятиях, особо оговаривалось, что ожидается участие Керенского (не всегда это соответствовало действительности — предприимчивые организаторы стремились любой ценой завлечь политизированного зрителя, готового приобретать билеты, чтобы увидеть революционную знаменитость). Московский Союз артистов-воинов выступил официальным организатором этого концерта-митинга, который получил характерное название «Песни и речи свободы». Средства, собранные при проведении митинга-концерта, должны были пойти на нужды культурно-просветительной работы в войсках Московского военного округа. Именно Кусевицкий убедил руководителей московского Совета солдатских депутатов специально поехать к министру, чтобы добиться его согласия выступить в Большом театре. Необычайно занятый Керенский, совершавший в мае несколько важных поездок в действующие войска, сообщил, однако, что он не сможет прибыть в Москву в предлагаемое время, но пообещал приехать 25–26 мая. Организаторы немедленно изменили дату проведения мероприятия, сообщив об этом в печати:

¹ Там же. С. 17.

² Ср.: «Символы „не говорят“ у Ницше: „они только кивают“: глупец, — восклицает он, кто хочет узнать от них что-либо». — *Белый А.* Арабески. М., 1911. С. 78. И далее: «Остается сам Ницше. <...> Но он не говорит: он только кивает нам без слов». — Там же. Белый именует самого Ницше «новым человеком». — Там же. С. 83.

именно участие Керенского придавало ему особое значение. Кусевицкий приступил к подготовке самого большого в 1917 г. митинга-концерта в знаменитом театре, для чего в кратчайший срок собрал внушительный оркестр из 200 музыкантов¹.

Лишь утром 26 мая экстренный поезд доставил Керенского в Москву. На Александровском вокзале его встречал огромный почетный караул: все московские военные училища и полки гарнизона прислали по взводу. Популярного министра приветствовали представители различных организаций. Президиум же Совета солдатских депутатов, выступавший в роли приглашающей стороны, явился на вокзал в полном составе. Представитель Совета обращался к Керенскому: «...Вы являетесь великой организующей силой. Ваши слова, словно электрический ток, ударяют по всем сердцам, внушая энтузиазм и веру в торжество революции». После обмена речами, сопровождавшегося исполнением «Марсельезы», Керенский расположился в военном автомобиле, сплошь покрытом венками из роз и ландышей. Машину украшал плакат «Солдат-гражданин» (так называлась газета, издававшаяся Московским советом солдатских депутатов). Утопающий в цветах автомобиль направился к бывшей резиденции генерал-губернатора, в котором заседали московские Советы. Керенский выступил перед депутатами, а затем, выйдя на балкон, произнес речь перед огромной толпой, ожидавшей на улице. Его выступление было встречено шумной овацией. После этого Керенский направился в Городскую думу, где обменялся речами с московскими гласными. Затем последовали беседа в Кремле с прокурором московской судебной палаты, смотр чинам арсенала, посещение университета и штаба военного округа. Лишь к пяти часам вечера министр прибыл в Большой театр.

Между тем митинг-концерт уже начался, хотя публика встревожено обсуждала отсутствие Керенского, ради которого, собственно, многие зрители и пришли в театр. Зал был переполнен. В одной из лож расположились представители союзных держав, в двух других — иностранные офицеры. Почти вся сцена была занята огромным оркестром.

Откладывать было уже невозможно. Председатель Совета солдатских депутатов торжественно открыл митинг-концерт. Затем за дирижерским пультом появился Кусевицкий. Оркестр три раза сыграл «Марсельезу», затем прозвучала увертюра из «Вильгельма Телля». Поэт К. Бальмонт читал свои стихи и произнес соответствующую моменту речь. Потом хор исполнил гимн Гречанинова «Да здравствует Россия, свободная страна», который был повторен три раза. Дважды хор спел «Эй, ухнем!» Глазунова. После этого прозвучала увертюра «Робеспьер».

На сцене появился Л.В. Собинов, на этот раз известный певец выступал на сцене в качестве общественного деятеля — первого выборного представителя Большого театра. Он призвал поддержать Временное правительство и провозгласил здравицу в честь министров Керенского и Чернова. Театрализация политики сопровождалась политизацией театра и его служителей.

Затем выступил видный деятель партии социалистов-революционеров А.Р. Гоц, который приветствовал собравшихся от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Впрочем, оратор бросил упрек присутствовав-

¹ Русское слово. 1917. 20 мая; Солдат-гражданин. М., 1917. 30 мая.

шим в партере представителям деловой элиты Москвы: он заявил об опасности, которая является следствием политики «некоторых торгово-промышленных групп» — малая активность предпринимателей привела к тому, что покупка облигаций «Займа свободы» не соответствовала правительственным расчетам, из-за этого финансовое положение страны еще более осложнилось.

Восстановить праздничную атмосферу в зале попытался другой известный лидер эсеров В.М. Чернов, ставший недавно министром земледелия. Импозантный седовласый «селянский министр», имевший репутацию прекрасного оратора, вышел на сцену, к петлице его сюртука была прикреплена большая красная роза. Красноречивый министр с воодушевлением говорил об успехах организации крестьянства. Однако эффект от его выступления был смазан из-за появления в театре главного действующего лица.

Примерно в пять часов вечера на эстраду наконец вышел Керенский. Его встретили овациями и цветами, оркестр играл туш. Популярный министр начал свою речь. Репортеры сообщали впоследствии, что Керенский говорил захватывающе, с огромным подъемом. Его выступление постоянно прерывалось взрывами аплодисментов. Оратор стремился поддержать чувство воодушевления среди своей аудитории: «Великий энтузиазм охватывает нас, ибо мы чувствуем, что русская свобода уже больше не умрет никогда». В то же время он обратился и к теме, затронутой уже в речи Гоца. Керенский, только что посетивший действующую армию, говорил об ответственности тыла перед фронтом, о патриотическом долге имущих классов, которые должны делом поддержать действующую армию, а не осуждать солдат-окопников, находясь при этом на безопасном удалении от района боевых действий: «Вы живете здесь, вы приходите в эти залитые светом залы, вы осыпаны бриллиантами, а там людей едят насекомые, там никто не знает, что принесет утро или вечер, что даст следующий час... И подумайте, разве там, в окопах не знают, сколько радости, света, сколько огней зовут здесь к себе гуляющие массы». Он призвал состоятельных людей к жертвам: «Пусть кто богат, отдаст свое богатство родине». Завершая свою речь, популярный министр воскликнул: «Пусть... смеются над нами! Мы останемся романтиками и великими мечтателями». Другой репортер записал эти слова несколько иначе: «И пусть скептики думают, что хотят: мы останемся всегда романтиками и великими мечтателями!»¹. Именно этот фрагмент выступления Керенского и цитировал по-своему А. Белый.

Газетный отчет гласит, что оратора буквально забросали красными розами. Керенский долго кланялся на все стороны. Театр гремел от рукоплесканий². Если же верить некоторым мемуаристам, то восторженные слушатели порой не ограничивались розами. Британский дипломат и разведчик Р.Б. Локкарт, находившийся в тот день в ложе Большого театра, так вспоминал выступление Керенского:

Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхваченный адъютантом. При свете рампы его лицо казалось мертвенно-бледным. Солдаты помогли

¹ Солдат-гражданин. М., 1917. 27 мая; Русское слово. 1917. 27 мая.

² Русское слово. 1917. 27 мая.

ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест и до хрипоты кричала «ура». Человек с одной почкой, человек, которому осталось жить полтора месяца, еще спасет Россию. Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания. В соседней со мной ложе генерал Вогак, человек, прослуживший всю свою жизнь царю и ненавидящий революцию больше чумы, плакал, как ребенок. Это было историческое зрелище, вызвавшее более сильную эмоциональную реакцию, чем любая речь Гитлера и других ораторов, когда-либо слышанных мною. Речь продолжалась два часа. Ее действие на Москву и всю Россию продолжалось два дня¹.

Вскоре Керенский и Чернов покинули зал. В этот день военный министр успел произнести еще несколько речей — в солдатской секции московского областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, на продовольственном съезде, а к концу дня Керенский успел еще и на съезд партии социалистов-революционеров. Выступления Керенского в различных аудиториях Москвы продолжались и 27 мая, в тот день он выступил еще на одном митинге-концерте, на этот раз организованном партией социалистов-революционеров.

Вернемся к грандиозному митингу-концерту, происходившему в Большом театре 26 мая. После отъезда министров зал заметно опустел. В заключение митинга были проданы с аукциона в пользу культурно-просветительного отдела московского Совета солдатских депутатов два портрета Керенского: один за пять тысяч рублей, другой за пятнадцать тысяч рублей.

Организаторы митинга-концерта в Большом театре были необычайно довольны. Представитель Совета солдатских депутатов прапорщик Н. Лавров писал в благодарственном открытом письме «гражданину Кусевицкому»: «Народ, Москва увидела своего вождя, тысячи людей слышали титанический призыв Керенского к работе, в тысячи сердец запало чувство великого праздника, который пережила Москва, который пережил весь театр и народ 26-го мая. Слово и звук сочетались своей силой и красотой в этот день, идея единой красоты человека прошла перед театром, зажгла великим огнем душу и мысль каждого»². Как видим, особое значение уделялось публичному выступлению вождя, но само выступление это оценивалось не только политически, но и эстетически: слияние музыки огромного оркестра и речей знаменитых ораторов (прежде всего Керенского) создавало необходимый эффект демонстрации «единой красоты человека».

Тема «единой красоты человека», соединяющего политику и искусство, звучала и в цитируемом выше памфлете А. Белого, опубликованного в 1917 г. Философ считал подобный синтез актуальной задачей: «Соединение революционера с художником в пламенном энтузиазме обоих, в романтике отношения к происходящим событиям»³. Автор явно сочувственно цитирует Керенского, а воз-

¹ Локкарт Р.Б. История изнутри: Мемуары британского агента. М., 1991. С. 164.

² Солдат-гражданин. 1917. 30 мая.

³ Белый А. Революция и культура. М., 1917. С. 18–19.

можно, и одобрительно отзываясь о «романтическом» политическом стиле революционного министра, соединяющего в одном лице политика и художника. Подобное восприятие вождя революции вовсе не было уникальным.

Московские речи Керенского повлияли на создание и других текстов, важных для русской культуры. Б.Л. Пастернак, находившийся в огромной толпе на Театральной площади, стал свидетелем восторженной встречи революционного министра, он писал в стихотворении «Весенний дождь» (первоначальное название «Перед театром»):

...Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: «Керенский, ура!»
Это слепящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера.
Это не розы, не рты, не ропот
Толп, это здесь, пред театром — прибор
Заколебавшейся ночи Европы,
Гордой на наших асфальтах собой¹.

Впервые это стихотворение было опубликовано в 1917 г. в московском издании «Путь освобождения»². Этот историко-литературно-художественный журнал выпускался Культурно-просветительным отделом Московского Совета солдатских депутатов. Иначе говоря, стихотворение Пастернака, передающее восторженную атмосферу встречи революционного министра, было напечатано в издании, которое отчасти финансировалось за счет средств, собранных во время визита Керенского в Москву, прежде всего благодаря его выступлению в Большом театре. Можно с уверенностью предположить, что редакторы и издатели, бывшие сторонниками Керенского, восприняли положительно поэтическое описание этого дня.

В московском Большом театре Керенский выступал и позже. Вообще в 1917 г. он появлялся на лучших театральных сценах Петрограда, Москвы, Киева, Одессы — и всюду собирал полные залы. Выступал популярный министр и в цирках. Оппоненты иронично называли Керенского «министром революционной театральности», именно так именовал его В.И. Ленин, а «Правда» в июне 1917 г. писала о «театральных речах» популярного министра³. «Театральность» в этих случаях описывалась как нечто недостойное серьезного политика.

Еще ранее в большевистских изданиях появлялись и соответствующие письма читателей. Так, еще до Апрельского кризиса в газете Военной организации партии появилось открытое письмо некоего артиллериста, адресованное Керенскому. Солдат, продолжавший уважительно относиться к популярному министру, вместе с тем писал: «Или вы думаете, что для сохранения завоеваний революции достаточно эффектно-театральных фраз и театральных поз?»⁴.

¹ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М., 2003. Т. I: Стихотворения и поэмы, 1912–1931. С. 128–129.

² Там же. С. 463.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 61; Правда. 1917. 27 июня.

⁴ Солдатская правда. 1917. 18 апреля.

Большевики, не рискуя до мая открыто критиковать Керенского, популярного даже среди их рядовых сторонников, со временем начали язвительно сравнивать пропагандистские поездки «народного министра» с шумными гастролями модной примадонны, милой сердцу биржевиков. В таких словах они описывали и визит Керенского в Москву: «Громадный автомобиль, весь убранный красными розами, а в нем, утопая в цветах, возлежит на мягких подушках Керенский. Что это? Въезд балетной танцовщицы или деловая поездка министра?» Злые оценки большевиков подчас тиражировались и прессой русских националистов, внешне яростно полемизировавшими с «ленинцами», но при этом подозрительно обильно их цитировавшими¹. Однако даже подобные карикатурные зарисовки позволяют почувствовать ту атмосферу триумфа и обожания, которая сопровождала выступления «народного трибуна».

Впоследствии и «актерство» Керенского, и феминизация его образа будут использованы в пропагандистских атаках на революционного министра. Даже некоторые сторонники и союзники Керенского не принимали его политический стиль, романтический и театральный. Г.В. Плеханов, по словам Н. Валентинова, говорил: «Он не лицо мужского пола, а скорее женского пола. Его речь достойна какой-нибудь Сары Бернар из Царевококшайска»². В этой краткой и злой характеристике, сравнивающей министра со знаменитой французской актрисой, которой к тому времени было уже 72 года, объединяются несколько рядов негативного отношения к Керенскому: женственный и провинциальный актер, живущий былой славой. Интересно, что Плеханов, в политическом отношении весьма близкий в это время к Керенскому, почти цитирует большевистские издания, характеризуя политический стиль революционного вождя.

Однако весной 1917 г. явная театрализация политики не вызывала отторжения, а идея вождя революции, синтезирующего политику и искусство, привлекала многих, в этом отношении А. Белый, С. Кусевицкий и прапорщик Н. Лавров вовсе не были исключением. Именно этого синтеза ждали от Керенского некоторые его сторонники.

Видные представители художественной интеллигенции активно участвовали в создании образов «свободного гражданина», истинного народного вождя. Вл. И. Немирович-Данченко, К.С. Станиславский и коллектив Московского Художественного театра обращались к Керенскому: «...В Вашем лице перед нами воплощается идеал свободного гражданина, какого душа человечества лелеет на протяжении веков, а поэты и художники мира передадут из поколения в поколение». Писатель Вас. И. Немирович-Данченко так описывал свое впечатление от речей Керенского: «Слушая его, чувствуешь, что все ваши нервы протянулись к нему и связались с его нервами в один узел. Вам кажется, что это говорите вы сами, что в зале, в театре, на площади нет Керенского, а это вы перед толпой, властитель ее мыслей и чувств. У нее и у вас одно сердце, и оно сейчас широко, как мир, и, как он, прекрасно». Показательно, что эти тексты относятся к маю

¹ Цит. по: Киевлянин. 1917. 3 июля. См. также: Речи А.Ф. Керенского. Киев, 1917. С. VI.

² Валентинов Н. Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. С. 187.

1917 г.¹ Интересно, что в одном случае Керенский рассматривается как редкий идеал «свободного гражданина», который является плодом векового развития, а долг художников заключается в том, чтобы силой своего искусства запечатлеть образ вождя и передать его потомкам. Именно так формулировали свою позицию представители одного из наиболее известных российских театров. В тексте же Вас. И. Немировича-Данченко речь явно идет прежде всего о «театральных» речах Керенского, именно выступления такого рода характеризуют для автора статьи деятельность популярного вождя.

Писатель А.И. Куприн назвал Керенского «народным сердцем»: «Во все времена и у всех народов в години тяжелых испытаний находился тот непостижимый и непосредственный душевный приемник, тот божественный резонатор, тот таинственный выразитель воли народной, что я называю живым, бьющимся сердцем народа. Керенским руководит его сердце, сердце народа, его коллективная воля». Статья была опубликована в газете «Свободная Россия», которую сам Куприн и редактировал. Весь номер был посвящен Керенскому, среди прочих хвалебные материалы опубликовали писатели Б. Мирский, М. Криницкий, А. Бухов, адвокат Н. Карабчевский, ученые Ф. Батюшков, С. Венгеров. Некоторые материалы предвосхищали восхваления «вождя народа» деятелями культуры советского периода (статья Н. Васильева так и называлась — «Вождь народа»)². Неудивительно, что данная газета прославляла Керенского — скорее всего, она и финансировалась его сторонниками. Интересно, однако, *как* она его прославляла.

Журналисты других изданий также восторженно писали о мистической связи между революцией и молодым вождем: «Керенский — это фигура, наиболее исполненная революционного пафоса, и, я сказал бы, наиболее трагическая. И когда он говорит, жутко смотреть на него. Он говорит, как сомнамбула, полукрывая глаза, и словно глядит внутрь себя, и словно прислушивается к какому-то тайному, внутреннему голосу. Этот невидимый, внутренний голос есть голос революции. Русская революция служит Керенскому нимфой Эгерией. В личное, интимное общение Керенский вступает с революцией. И вот откуда он находит эти слова, эти лозунги, рожденные из той же революционной атмосферы, но столь непохожие на обычный чекан, уже тривиальный, уже надоевший»³.

Нельзя не заметить, что политические оценки Керенского и здесь присутствуют не в чистом виде — они переплетаются с этическими и эстетическими суждениями. Часть подобных оценок была вызвана политической конъюнктурой, однако многие их авторы были совершенно искренни. Даже осенью 1917 г. некоторые представители петроградской интеллигенции именовали Керенского «светлым» и «святым» человеком и не терпели никакой критики в его адрес. Разумеется, многие интеллигенты придерживались и иных взглядов, но всё же популярность Керенского в этой среде была очень велика. Подобно революционным массам многие интеллектуалы испытывали потребность в уникальном вождь-спасителе, соединяющем политику и искусство, радикально преобразующем

¹ Русское слово. 1917. 3, 30 мая.

² Свободная Россия. 1917. 12 июня.

³ Русская воля. 1917. 7 мая.

общественную мораль. Они с энтузиазмом участвовали в создании его культа, используя и развивая культурные формы своей эпохи.

Порой Керенский, политик-революционер, воспринимался и как художник-новатор. Ю.П. Анненков вспоминал об особенностях восприятия революции в кругах авангардистов:

Мы все были вдохновлены, так как многие стороны тысячелетнего *Прежде* представлялись нам отжившими и обреченными на исчезновение. Мы мечтали о новых формах в искусстве. Я помню, как в одну из мартовских (или апрельских) ночей 1917 г. поэт Зданевич, блуждая со мной по Петербургу, уже республиканскому, сказал, говоря о Керенском, ставшем председателем Временного правительства:

— Надо бы издать сборник, посвященный Керенскому как первому вождю футуристического государства!¹

Насколько ироничным было предложение писателя и теоретика русского авангарда И.М. Зданевича (если, разумеется, мемуарист точно его воспроизвел)? Считал ли он деятельность Керенского отражением футуризма в политике? Воспринималась ли новая государственность, олицетворением которой был «революционный министр», своеобразным аналогом искусства абсурда? Пародией на новое искусство политики?

Вернее было бы предположить, что отношение Зданевича к революционному министру было явно положительным: он воспринимался как полноправный представитель художественной интеллигенции в мире большой политики. Во всяком случае, Керенский в данном случае персонифицирует абсолютную новизну и новаторство в искусстве управления государством.

Новатором первоначально считал революционного министра и В. Хлебников, хотя свое отношение к нему поэт вскоре изменил. Хлебникову приписывают изобретение уничижительного обращения к Керенскому — Александра Федоровна, которое также подчеркивало женственность главы Временного правительства и связывало его образ с именем последней императрицы (ее же значительная часть общественного мнения считала распутницей и шпионкой). Позднее поэт также называл революционного министра «Главнасекомствующим на солдатских шинелях». Менее известно, что ранее, весной 1917 г. (не позже 21 апреля), восторженный Хлебников «произвел» Керенского в ранг «председателя Земного шара» — наряду с В. Вильсоном, Сунь-Ятсеном, Р. Тагором и многими деятелями художественного авангарда².

В различных текстах первого периода Российской революции 1917 г. Александр Федорович Керенский воспринимался как принципиально новый государственный деятель, властитель-новатор, который не только борется за власть и создает новый политический мир, но и радикально преобразует существующую мораль, влияя на современное искусство. Образы политика-художника,

¹ Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. М., 1991. С. 184.

² Петровский Д. Воспоминания о Великом Хлебникове // <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/vospominaniya/petrovskij.htm>; Воззвание Председателей Земного Шара // http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_150.htm

политика-творца были необычайно важны для репрезентации Керенского, они создавались им самим, его политическими сторонниками, а также представителями художественной интеллигенции. И эти образы были востребованы политизирующимися массами.

Российская революция 1917 г., радикально меняющая политический и общественный строй огромной страны, потребовала и глубоких политико-культурных преобразований. В частности, обществу предстояло выработать принципиально новые формы отношения к политическим лидерам. И в этом отношении фигура Керенского, наиболее популярного и авторитетного вождя Февраля, представляет особый интерес. Его речи, его выступления, церемонии, в которых он участвовал, ритуалы, которые он создавал или поддерживал, выступления его сторонников, устные и печатные, — всё это создавало новый политический стиль; стиль, получавший поддержку нового революционного государства, стиль, утверждавшийся авторитетом новой власти.

Новый строй, претендуя на абсолютную новизну, на полный разрыв с дореволюционным прошлым, продолжал следовать некоторым дореволюционным примерам и образцам. Речь идет не только о перекодировании некоторых ритуалов и символов старого режима, их утилизации новым строем, хотя и это порой имело место. Не менее важно, что воспроизводился и ряд предписанных эмоциональных проявлений, присущих монархии. Если политическая культура ряда республиканских революций учила своих граждан «подозревать» любых властителей, как старых, так и новых, утверждала, что «вечная бдительность» является «залогом свободы», то образцовые подданные монархов должны были не только уважать, но и любить своих государей¹.

И в этом отношении русская революция при всей своей установке на абсолютную новизну продолжала традицию монархической политической культуры: вождь народа должен был обладать любовью народа, уважения граждан было недостаточно, а подозрения по отношению к любимому вождю рассматривались как оскорбление революции. Показателен, например, пропагандистский штамп, который использовался по отношению к А.Ф. Керенскому его сторонниками и поклонниками: «Любовь революции», «Первая любовь революции» (так, например, именовал после Февраля Керенского известный этнограф В.Г. Богораз-Тан)². Этот штамп использовал в названии своей книги и британский историк Р. Эбрахам, автор лучшей на сегодняшний день научной биографии «министра революции»: «Александр Керенский: Первая любовь революции»³.

¹ О трагедии любви ряда русских монархистов к последнему императору см.: *Колодницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 657 с.

² *Тан А.Ф.* Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. 1917. № 1. С. 1–2. Рукописный вариант очерка именовался «Первая любовь революции А.Ф. Керенский». См.: *Николаев А.Б.* IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г.). СПб., 2008. С. 206.

³ *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987. 503 p.

Сторонники революционного министра в газете правых эсеров «Воля народа» писали, что Керенский — «человек, пользующийся безграничным уважением и пламенной любовью народа». Они описывали овации на съезде крестьянских депутатов, вызванные речью министра, следующим образом: делегаты «выразили свое доверие к нему, свою любовь, свою надежду». И позднее эта газета, характеризуя отношения вождя и народа, писала о «любви и верности»¹. Статьи других изданий звучат как признания в политической любви Керенскому: «Любимый, прекрасный, благородный и светлый вождь!»².

По мнению некоторых близких сотрудников Керенского, именно любовь масс к вождю служит доказательством их политической зрелости. Товарищ морского министра В. Лебедев телеграфировал Керенскому после посещения Ревеля, что экипажи кораблей военно-морской базы и части гарнизона просят передать «их любовь и преданность к вам, всему коалиционному правительству и всей организованной русской демократии»³.

И в личных обращениях к революционному вождю можно встретить нередко выражения любви к нему. Так, некий «бывший вождь сербско-македонских чет» Андрей Войнич Сяножецкий, обучавшийся в московском Александровском военном училище, направил телеграмму «председателю совета министров великому гражданину» Александру Федоровичу Керенскому: «Веря, что только Вы спасете Россию, народ и армия пойдет за Вами всюду. Россия любит Вас и поныне видит в Вас великого своего вождя — единого спасителя гибнущей родины». Показательно, что телеграмма была направлена в... московский Большой театр⁴. Если в качестве адресов иных «писем во власть» указывались Таврический дворец, Кремль и даже — впоследствии — Мавзолей, то письмо «министру-романтику», «министру революционной театральности» вполне естественно было направить в Большой театр.

Письма «любимому вождю» требуют специального изучения, особого исследования требуют формы признания в любви. Здесь приведем лишь письмо от группы трудящихся женщин Твери, посланное уже 11 марта: «Имя Керенского давно стало дорогим и любимым по всем уголкам нашей родины. В самые темные... дни недавнего прошлого... мы чутко ловили отзвуки слов и мыслей Керенского... И теперь это имя и личность А.Ф. Керенского стало Солнцем России, Совестью свободных граждан... Мы бабушки, матери, сестры и дочери, пекущиеся Марфы, просим вас, братья, вас близко стоящих — берегите его жизнь, берегите его время, обеспечите ему хотя бы минимум сна и правильное питание <...> чтобы силы Солнышка Новой России не надорвались, ...поклон Совести и Сердцу свободных граждан России А.Ф. Керенскому»⁵.

Большевистская пресса уже в мае 1917 г. иронизировала по поводу темы любви в риторике самого вождя:

¹ Воля народа. 1917. 4, 17 мая.

² Труд и воля. Пг., 1917. 27 июня.

³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2287. Л. 15.

⁴ Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 70–71.

⁵ Вестник Тверского губернского Исполнительного комитета. 1917. 16 марта.

Плачет, смеется,
В любви клянется,
Но кто поверит,
Тот ошибется.

Однако в то время подобное снижение образа авторитетного вождя вызывало отповедь со стороны известных журналистов¹.

Провинциальная же пресса сочувственно цитировала слова писательницы Тэффи, которая утверждала, что «Русская революция влюблена в Керенского»: «неутомимый триумфатор», «первая революционная любовь», он олицетворял одновременно Веру, Надежду и Любовь². «Новый человек» эпохи революции рождался в атмосфере взаимной любви вождя и народа.

«Любимый вождь», «вождь-творец», «вождь-художник», «вождь-новатор» — таковы характеристики Керенского. Однако вождь революционной России воспринимался также и как образец «нового гражданина» (вспомним обращение Станиславского, Немировича-Данченко и коллектива Московского Художественного театра). И в этом отношении еще один «титул» Керенского — «первый гражданин» — приобретает новую нагрузку.

Иногда же Керенский предстает как образец идеального гражданина России, созданного революцией. Собственно, появление образцового революционного вождя является одним из важнейших достижений грандиозного переворота. Автор газеты «Нижегородский листок» писал в конце апреля: «Революция создала огромной красоты образ русского гражданина в лице А.Ф. Керенского»³. Показательно, что и в данном случае речь идет о красоте, и в данном случае проявляется потребность эстетизировать политику.

Немало жителей России, политизируясь, копировали политический стиль Керенского как образцовый. Особое значение этот пример имел для представителей «комитетского класса» — членов многочисленных советов и комитетов, которые вовлекались в политическую жизнь. Неудивительно, что Д. Фурманов, ставший впоследствии образцом большевистского комиссара, признавался, что он произносил речи «под Керенского» (запись в дневнике Фурманова за 29 мая 1917 г.)⁴. А С. Петлюру даже именовали «украинским Керенским». Молодые и энергичные комитетчики облачались в полувоенные френчи, копировали ораторские приемы и жесты популярного министра.

Различные национальные и политические движения начала XX в. полагали, что в результате их деятельности появится «новый человек». Иногда это должно было стать следствием общественных процессов, а иногда — их необходимым условием. Так, «новые люди» из рядов разночинцев воспринимались как предвестники «нового общества». Порой же эти задачи воспринимались как равнозначные и синхронные. Так, сербская националистическая и революционная организация «Народная Одбрана», способствовавшая началу Первой мировой

¹ Русское слово. 1917. 18 мая.

² Нижегородский листок. 1917. 1 июня.

³ *Иванчиков*. Министр Керенский // Там же. 1917. 29 апреля.

⁴ *Куприяновский П.В.* Неизвестный Фурманов. Иваново, 1996. С. 61.

войны, стремилась «к созданию новой Сербии, нового рода, нового человека, новой интеллигенции, к внутреннему преобразованию их»¹.

В этом контексте Российская революция не представляла ничего необычного. Особенностью же было то, что образцом «нового человека» и нового гражданина был не выдающийся герой движения, а вождь, пришедший к власти в результате революции.

Падение влияния Керенского сопровождалось созданием ряда его негативных образов. При этом критика главы Временного правительства порой выворачивала наизнанку созданные ранее его образы сильного лидера, морального политика и вождя, соединяющего новую власть и новое искусство: Керенский рассматривался уже как безвольный политик, как безнравственный морализатор, как лишенный талантов любитель-художник, как псевдоноватор, без должных на то оснований претендующий на новизну.

В этом отношении Керенский стал жертвой той политической культуры, созданию и распространению которой он сам весьма способствовал. Глава Временного правительства и его многочисленные сторонники утверждали политические, этические и нравственные ценности, которые получили дальнейшее развитие в СССР.

Вместе с тем культ Керенского, опиравшийся на давний культ «борцов за свободу», созданный революционным подпольем, содержал и некоторые особые элементы, которые не использовались впоследствии при создании культов советских вождей. Вождь со временем становился действительно уникальным, копировать его было невозможно, а подражать ему становилось опасным. Образцом для воспитания и самовоспитания нового советского человека становились герои современности — стахановцы и пограничники, полярники и летчики. Концентрические круги этих героев окружали вождя, приглашали людей, формирующих свою советскую личность, стать такими же, но нельзя было стать таким же, как вождь.

Не следует спрямлять этот процесс, в ранний советский период, когда Ленин был «вождем вождей», известное подражание было неизбежным. Неудивительно, что Ф. Ходжаева именовали «бухарским Лениным», а И. Смирнова — «сибирским Лениным». Немало молодых коммунистов и комсомольцев азартно копировали Троцкого (кстати, влияние культа Керенского на советскую политическую традицию особенно ярко проявляется в культе Троцкого).

Случай Керенского представляет собой двойной пример отрицания политической генеалогии. В СССР невозможно было признать, что в формировании политической традиции революционного государства немалую роль сыграл «министр революционной театральности». Со своей стороны и Керенский, всю свою жизнь в эмиграции посвятивший борьбе с большевизмом, не желал признавать себя одним из отцов-основателей советской политической традиции.

¹ *Полетика Н.* Сараевское убийство: Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 121.